

ИСТОРИЯ И ТЕОЛОГИЯ В ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ

МАТЕРИАЛЫ СЕДЬМОГО СОВМЕСТНОГО СИМПОЗИУМА
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ И ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
НОВОГО ЗАВЕТА

τὰ οὐρανά την ἡμέραν
εγένετο νόμος του
μούρχεται λαντρά
οσεμιτροσοεντι
τετοπεντητηρίφ
τοσμούην κληρο
κηλειναγιονάλ
λινδαφανερφον
τωτελλατούτον
οονεγενεντλλη
κληρεζανκλε
καρτυρισενιώ
δικησότπεοε
λαλιτογήναψε
περιστρανκαλ
βαίνονεκτούρ
ρανούκλιμενό
επλαύτον κλιερφ
ούκηλειναύτον
αλλοπεμψαμ
κατηγενεντλ
λατιεκινοσμή
ειτενεφονλη
ειτεοπηάκλαλ
νονκλιμενον
παύτονουτοσε
επινοκλητηζόν
εντηταπιφκη
εφρακλατμέ
μαρτυρικλοτη
ιοσεστινοεκλη
τούρ
πεναύριοντκλε
εστηκιούρεννη
κλεκτιον μάση
τωναγρουάτο ει
εμβλεψατερή
τητικιούρηπλεψ
τάσοντην δεστομ
εκουσανοιαγον
ειτικλαγουάλ
τοσκαρικοληγον

ИСТОРИЯ И ТЕОЛОГИЯ В ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ

**МАТЕРИАЛЫ СЕДЬМОГО СОВМЕСТНОГО
СИМПОЗИУМА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ
И ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
НОВОГО ЗАВЕТА**

**HISTORY AND THEOLOGY
IN THE GOSPEL NARRATIVES**
**PROCEEDINGS OF THE SEVENTH
EAST-WEST SYMPOSIUM
OF NEW TESTAMENT
SCHOLARS**

Москва • 2018

Издательский дом «Познание»

УДК 226
ББК 86.2
И89

Рекомендовано к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
(ИС Р18-815-0536)

ИСТОРИЯ И ТЕОЛОГИЯ В ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ

Материалы Седьмого совместного симпозиума
восточноевропейских и западных исследователей Нового Завета

HISTORY AND THEOLOGY IN THE GOSPEL NARRATIVES

Proceedings of the Seventh East-West Symposium
of New Testament Scholars

— М.: Издательский дом «Познание», 2018. — 628 с.

Под общей редакцией митрополита Волоколамского
Илариона (Алфеева)

Ответственный редактор М.Г. Селезнев

Научный редактор Л.В. Шуляков

ISBN 978-5-906960-45-0

В сборнике представлены материалы Седьмого совместного симпозиума восточноевропейских и западных исследователей Нового Завета, прошедшего в 2016 г. в Москве. Доклады участников Симпозиума, объединенные общей темой «История и теология в евангельских повествованиях», связаны с широком кругом вопросов. В отдельных разделах сборника представлены статьи, посвященные историко-филологическим исследованиям каждого из четырех Евангелий, контексту новозаветных текстов и истории их интерпретаций. Особое место занимают материалы пленарной дискуссии, в ходе которой обсуждался доклад Высокопреосвященнейшего митрополита Волоколамского Илариона «Демифологизация новозаветной науки». Издание адресовано всем интересующимся библеистикой и богословием.

Знак информационной продукции 12+

© Издательский дом «Познание», 2018
© Коллектив авторов, текст, 2018

Христос Караколис

ПРОРОЧЕСКАЯ ХРИСТОЛОГИЯ В ЕВАНГЕЛИИ ОТ МАРКА? ПОДХОД, ОРИЕНТИРОВАННЫЙ НА ЧИТАТЕЛЯ

Исследователи много спорят о смысле понятия «пророк» в различных текстах Нового Завета¹. Не утихает и оживленная полемика о том, считал ли себя пророком «исторический Иисус»².

Однако здесь речь пойдет не о таких диахронических подходах. Они важны, но недооценивают важность текста в его нынешней форме как когерентного целого. Поэтому я буду придерживаться синхронического ракурса со взаимодействием между имплицитным автором и имплицитными читателями Евангелия от Марка (Мк.), но не как произвольными реконструкциями, а в связи с более широким историческим контекстом Мк.³ Я попытаюсь предложить и исследовать аль-

¹ О многообразии проблем, связанных с этим, см.: Joseph Verheyden, Korinna Zamfir and Tobias Nicklas (eds.), *Prophets and Prophecy in Jewish and Early Christian Literature* (WUNT 2/286; Tübingen: Mohr Siebeck, 2010), особенно 57–253.

² См., напр., C. M. Tuckett, «Jesus' Self-Understanding», in *Jesus' Mission, Death, and Resurrection*, ed. Craig A. Evans, (vol. 3 of *The Historical Jesus: Critical Concepts in Religious Studies*; London/New York: Routledge, 2004), 186–188; David E. Aune, *Prophecy in Early Christianity and in the Ancient Mediterranean World* (Grand Rapids: Eerdmans, 1983), 153–169.

тернативный сценарий для понимания коммуникации между имплицитным автором и определенной категорией имплицитных читателей, которые имеют иудейское происхождение, сочувствуют христианству, но настороженно относятся к высокой христологии. Эта попытка основана на предпосылке, что существуют разные категории имплицитных читателей. Они не ограничены теми, кого имел в виду имплицитный автор: в их число входят все, кто принадлежит к историческому миру автора, могут тем или иным образом получить доступ к тексту и отреагировать на него⁴. Такой подход позволит нам более гибко и нюансированно осмыслить семантическую и прагматическую динамику текста.

Согласно этим методологическим пролегоменам я пытаюсь ответить на вопрос: оставляет ли имплицитный автор Мк. возможность для понимания Иисуса как пророка? И могли ли исторически правдоподобные имплицитные читатели интерпретировать текст подобным образом?

I

Пролог Мк., как и прологи многих произведений, дает информацию, важную для понимания текста⁵. Обычно зна-

³ О методологической возможности связать имплицитных читателей текста с его историческим контекстом см. Holly J. Carey, *Jesus' Cry from the Cross: Towards a First Century Understanding of the Intertextual Relationship between Psalm 22 and the Narrative of Mark's Gospel* (LNTS 398; London: T.&T. Clark, 2009), 23–26.

⁴ Это отличается от классического противопоставления исторического и имплицитного читателя, где оба фигурируют в единственном числе: David Rhoads and Donald Michie, *Mark as Story: An Introduction to the Narrative of a Gospel* (Philadelphia: Fortress, 1982), 137.

чими и концовки. Однако концовка Мк. характеризуется рядом текстологических проблем⁶; тем важнее для нас изучить пролог. В Мк 1:1⁷ Иисус назван Мессией (Христом) и Сыном Божиим⁸. Эти титулы разъясняют и дополняют друг друга⁹. При этом еще не ясно, какой смысл вкладывает в них имплицитный автор и что он хочет донести до имплицитных читателей. У имплицитных читателей пока мало информации для того, чтобы разобраться в замысле имплицитного автора. Они лишь поймут, что эти термины дают ключ к интерпретации книги. (Заметим: эта информация недоступна героям повествования: они снова и снова не способны понять,

- ⁵ См. Dieter Lührmann, *Das Markusevangelium* (HNT 3; Tübingen: Mohr Siebeck, 1987), 32; Morna D. Hooker, *Beginnings: Keys that Open the Gospels* (Eugene: Wipf & Stock, 2009), 1–22.
- ⁶ Я не буду здесь углубляться в сложный вопрос о том, заканчивался ли Мк. изначально стихом 16:8 или концовка потерялась. См. некоторые из основных теорий и точек зрения в: *Perspectives on the Ending of Mark: 4 Views*, ed. David Alan Black (Nashville: Broadman and Holman, 2008).
- ⁷ Многие комментаторы видят в Мк. 1:1 заголовок. Если так, тем больше у нас оснований считать данный стих ключом к интерпретации книги. См. Ludger Schenke, *Das Markusevangelium: Literarische Eigenart — Text und Kommentierung* (Stuttgart: Kohlhammer, 2005), 43; Peter Dschulnigg, *Das Markusevangelium* (TKNT 2; Stuttgart: Kohlhammer, 2007), 58; Morna D. Hooker, *A Commentary on the Gospel according to St Mark* (BNTC; London: Continuum, 1991), 33.
- ⁸ Я не буду здесь останавливаться на текстуальной проблеме, связанной со словами *υἱοῦ θεοῦ*. Хотя древняя рукописная традиция содержит здесь разнотечения, автор явно считает, что к Иисусу подходят оба титула. См., напр., Carl R. Kazmierski, *Jesus, the Son of God: A Study of the Markan Tradition and its Redaction by the Evangelist* (2nd ed.; FzB 33; Würzburg: Echter, 1982), 7–9; John Painter, *Mark's Gospel: Worlds in Conflict* (London: Routledge, 1996), 25; Francis J. Moloney, *Mark: Storyteller, Interpreter, Evangelist* (Peabody: Hendrickson, 2004), 78, п. 9. Поэтому я следую за новейшим критическим изданием NA²⁸, где слова *υἱοῦ θεοῦ* включены в текст.

т. е. Иисус.) И у них может возникнуть мысль: если бы автор считал Иисуса пророком, он включил бы этот титул в пролог своего Евангелия. Впрочем, все далеко не так просто.

Чтобы понять повествование, важно понять, насколько можно доверять словам его героев¹⁰. Имплицитный автор дает имплицитным читателям не только информацию, недоступную персонажам, но и подсказки, чтобы они правильно поняли эту информацию и правильно поняли Иисуса (в отличие от почти всех героев)¹¹. Он тонко подводит имплицитных читателей к нужной точке зрения, вводя их в маленькую и привилегированную группу людей, способных понимать то, что не понимает почти ни один герой повествования.

II

Имплицитный автор включает в повествование две особые сцены, которые отчасти проливают свет на загадку личности Иисуса¹²: Мк. 6:14–16 и 8:27–30.

В первом отрывке (Мк. 6:14–16) до Ирода доходят разные слухи об Иисусе: будто Иисус — это Иоанн Креститель, или Илия, или один из пророков (Мк. 6:14–15). Ирод принимает Иисуса за Иоанна Крестителя, воскресшего из мертвых (Мк. 6:16). Конечно, имплицитные читатели

⁹ См. Kazmierski, Jesus, 25–26; Robert H. Gundry, *Mark: A Commentary on His Apology for the Cross* (Grand Rapids: Eerdmans, 1993), 33–34.

¹⁰ См. R. Alter, *The Art of Biblical Narrative* (New York: Basic Books, 1981), 116–117.

¹¹ Важное исключение — Иоанн Креститель. Даже Симон Петр, который исповедует Иисуса Христом (Мк. 8:29), не понимает реального смысла этого исповедания (Мк. 8:31). См. Christos Karakolis, «Narrative Funktion und christologische Bedeutung der markinischen Erzählung vom Tod Johannes des Täufers (Мк. 6:14–29)», *NovT* 52 (2010), 138.

с первых строк повествования знают, что Иисус и Иоанн Креститель — разные люди и что Иоанн крестил Иисуса (Мк. 1:9). Чуть далее Иисус называет Илией Иоанна Крестителя (Мк. 9:12–13). И уже в начале повествования Иоанн Креститель ассоциируется с Илией через цитату из Книги Малахии (Мк. 1:2;ср. Мал. 3:1), одежду (Мк. 1:6), жизнь в пустыне (Мк. 1:4) и яркую проповедь (Мк. 1:4, 7–8; 6:20)¹³. И все же имя Ἰλίας впервые появляется в Мк. 6:15, а разъясняется лишь в Мк. 9:11–13¹⁴. Так Марк постепенно раскрывает личность Иоанна Крестителя, важность его присутствия, миссии и даже смерти¹⁵. Начинается все с туманных ветхозаветных пророчеств и незначительных с виду деталей, а продолжается ссылкой на мнение, которое не объясняет нам ничего про Иоанна Крестителя, но скорее ставит вопрос. Впоследствии лишь Иисус дает ответ¹⁶. При таком развитии сюжета в Мк. 6:14–16 нет разрешения: лишь ставятся новые и ясные вопросы о личности Иисуса.

¹² В Евангелии от Марка персонажи почти до самого конца не понимают, кт. е. Иисус и в чем Его миссия. См., напр., Ira Brent Driggers, «God as Healer of Creation in the Gospel of Mark», Character Studies and the Gospel of Mark, ed. Christopher W. Skinner and Matthew Ryan Hauge (LNTS 483; London: Bloomsbury, 2014), 91; Laura C. Sweat, The Theological Role of Paradox in the Gospel of Mark (LNTS 492; London: Bloomsbury, 2013), 138, п. 16.

¹³ Об Иоанне Крестителе как новом Илии у Марка см. Markus Öhler, *Elia im Neuen Testament: Untersuchungen zur Bedeutung des alttestamentlichen Propheten im frühen Christentum* (BZNW 88; Berlin: de Gruyter, 1997), 31–47.

¹⁴ Отождествляя вернувшегося Илию с Иоанном Крестителем сразу после появления «первого» Илии в рассказе о Преображении, имплицитный автор показывает, что эти два Илии — разные люди, связь между которыми типологическая.

¹⁵ Смерть Иоанна Крестителя в повествовательном и богословском плане связана со Страстями Иисуса. См. Karakolis, «Funktion», 153–155.

Во второй сцене (Мк. 8:27–30) Иисус спрашивает учеников, кем считают Его люди. Те повторяют мнения, уже знакомые имплицитным читателям по Мк. 6:14–16. Однако здесь, выслушав ответ, Иисус спрашивает учеников их личную точку зрения. И тогда от лица всех Петр называет Иисуса Христом (Мессией). И хотя у Марка ученики обычно не понимают Иисуса, они все же понимают больше, чем внешние (*οἱ ἔξω*). Впервые Иисуса называет Мессией один из героев повествования (а имплицитный читатель знает о мессианстве с Мк. 1:1). Однако Петр не включает в исповедание фразу «Сын Божий»¹⁷ — значит, и он понимает Иисуса не вполне верно: ведь согласно Мк. 1:1 правильное понимание включает оба титула. Более того, оба титула нуждаются еще и в правильном толковании. Да и из контекста видно, что Петр не вполне ясно представляет суть мессианства, коль скоро пытается отговорить Иисуса идти в Иерусалим на несправедливую и постыдную смерть (Мк. 8:32)¹⁸.

Следовательно, у Марка даже титул Мессии понимается не в свете народной веры. И Петр не просто беспокоится

---

¹⁶ О различии между словами надежных и ненадежных персонажей повествования и его правдоподобности для понимания повествования см. Alter, Art, 116–117. Не проводя этой грани, Edwin K. Broadhead, *Naming Jesus: Titular Christology in the Gospel of Mark* (JSNTSup 175; Sheffield: Academic Press, 1999), 56, приходит к выводу, что в Мк. 6:14–16 и 8:27–29 атрибуция Иисусу пророческого титула не принимается и не отвергается. Согласно «шкале средств» Альтера ясно, что единственная адекватная характеристика Иисуса исходит из уст Симона Петра, но не Ирода и не еврейского народа в целом.

¹⁷ Первый евангелист впоследствии дополнил исповедание Петра недостающим титулом (Мф. 16:16).

¹⁸ См. Francis J. Moloney, *The Gospel of Mark: A Commentary* (Peabody: Hendrickson, 2002), 174–175.

за Иисуса; для него это вопрос принципа: он не может принять идею страдающего Мессии. В его понимании страдающий Мессия — это не Мессия. Конечно, из двух пониманий мессианства (Иисуса и Петра) правильное — у Иисуса. Для имплицитного автора Мессия — не только Сын Божий, но и страдалец, который сознательно идет на смерть от руки врагов и воскресает на третий день (Мк. 8:31)¹⁹.

Однако даже здесь имплицитный автор не объясняет, можно ли считать Иисуса пророком. Конечно, имплицитные читатели могут счесть молчание (*argumentum e silentio*) за отрицание: если бы Марк считал Иисуса пророком и хотел изобразить Его как пророка, он вложил бы соответствующие слова в уста Петра.

В данном диалоге Петр говорит об Иисусе иначе, чем народ (для которого Иисус — пророк). Отсюда можно сделать вывод: народ понимает Иисуса неправильно. А правильно на данный момент понимают лишь ученики, да и то далеко не все²⁰. Это соответствует одному из ключевых мотивов Мк.: ученикам вручена тайна Царства Божьего, тогда как внешним все бывает (*γίγνεσθαι*) в притчах, что порождает непонимание (Мк. 4:11–12)²¹. Знающий Царство Божие принимает и понимает Иисуса как подлинного Мессию: истинного Царя и Сына Божьего, согласно Псалму 109 (110) (Мк. 12:35–37).

Из вышесказанного можно сделать вывод: у Марка Иисус не осмысляется и не описывается как пророк, по-

¹⁹ См. Moloney, *Mark*, 134–136.

²⁰ См. Dschulnigg, *Markusevangelium*, 232.

²¹ «*κα* вводит здесь консективное придаточное предложение, а не предложение цели. См. убедительные аргументы в: Schenke, *Markusevangelium*, 129.

скольку повествователь не упоминает этого не только здесь, но и в остальном повествовании (за возможным исключением Мк. 6:4, о чем у нас речь пойдет в третьей части доклада).

Называют Иисуса Сыном Божиим и бесы (Мк. 3:11; 5:7). Поскольку им доступна сверхъестественная реальность, неведомая людям, их свидетельство в данном случае заслуживает доверия. Это явствует и из того факта, что их слова об Иисусе перекликаются с прологом Мк., а также свидетельством самого Бога о богосыновстве Иисуса, высказанным при Крещении (Мк. 1:11) и Преображении (Мк. 9:7).

Кроме того, Иисуса называет Сыном Давидовым слепой по имени Вартиней (Мк. 10:47–48), хотя Иисус и не принимает этот титул напрямую. Но перед самыми Страстями Иисус объясняет: Мессия не ниже Давида как его потомок, но выше его как его господин (Мк. 12:36–37)²². Получается, что имплицитный автор не считает давидическое происхождение доказательством мессианства Иисуса, хотя и не отвергает его категорически²³. Иисус есть Сын Божий, и именно это говорит о Его мессианстве. Таким образом, титул «Сын Божий» определяет семантический контекст мессианского титула, а не наоборот, поскольку

²² См. Ernst Haenchen, *Der Weg Jesu: Eine Erklärung des Markus-Evangeliums und der kanonischen Parallelen* (Berlin: Töpelmann, 1966), 414.

²³ См. Schenke, *Markusevangelium*, 278–279; William L. Lane, *The Gospel according to Mark: The English Text with Introduction, Exposition and Notes* (NLCNT; London: Marshall, Morgan & Scott, 1974), 437–438. О неоднозначности титула «Сын Давидов» у Марка см. Joel Marcus, *Mark 8–16: A New Translation with Introduction and Commentary* (AYB; New Haven: Yale University Press, 2009), 1119–1120.

данный титул используется самим Богом применительно к Иисусу. С другой стороны, мессианский титул в устах противников Иисуса (Мк. 14:61; 15:32) не несет в себе указанного смысла.

И наконец, Иисус называет себя «Сыном Человеческим». Поскольку здесь налицо аллюзия на Книгу Даниила²⁴, этот конкретный титул не означает, что Иисус был пророком. Однако любопытно, что имплицитный автор не использует его в рефлексии о личности Иисуса, в отличие от титулов «Христос» и «Сын Божий» (Мк. 1:1). Вместо этого Марк всегда вкладывает его в уста Иисуса — либо в прямой, либо в косвенной речи. Иисус — единственный из героев повествования, чьи слова имеют высший авторитет, если не считать самого Бога, который легитимирует Иисуса (Мк. 1:11; 9:7). Поэтому этот титул также верно говорит об Иисусе, тем более что только на устах Иисуса и встречается.

Если титул «Сын Человеческий» Иисус использует тринацать раз, к титулу «пророк» Он прибегает лишь однажды (Мк. 6:4). А всего титул «пророк» используется в Мк. пять раз.

III

В Мк. 6:1–6 Иисус приходит в свой родной город в Галилее. Однако жители полны сомнений (Мк. 6:2): ведь Он — один из них. Они знают Его происхождение и Его се-

²⁴ См. особенно Мк. 14:62 в сравнении с Дан. 7:13; см. Moloney, Mark, 144–146; Morna D. Hooker, *The Son of Man in Mark: A Study of the Background of the Term «Son of Man» and Its Use in St Mark's Gospel* (London: SPCK, 1967), 11–32. 189–195.

мью (Мк. 6:3). Иисус комментирует их колебания так: «Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем» (Мк. 6:4). В результате Иисус не может совершить там почти никаких чудес (Мк. 6:5), изумляясь неверию односельчан (Мк. 6:6).

Экзегеты обычно полагают, что в Мк. 6:4 цитируется поговорка²⁵. Поговорки чаще всего имеют не буквальный, а более широкий, даже метафорический, смысл²⁶. Однако имплицитный читатель должен задуматься, нет ли здесь хотя бы доли буквального смысла. Ведь возможны следующие варианты смысла.

- Поговорка, применимая к ветхозаветным пророкам, тем более применима к Иисусу как Сыну Человеческому, Христу и Сыну Божию (аргумент *a minore ad maius*)²⁷.
- Иисус — пророк²⁸, хотя и отличный от ветхозаветных пророков (как и будучи царем, Он отличается от ветхозаветных царей и эсхатологического иудейского Мессии).
- Некоторые особенности служения Иисуса напоминают служение пророков. (Это не обязательно означает, что Иисус здесь называет себя пророком или принимает титул пророка.)²⁹

²⁵ См., напр., Painter, Gospel, 96; Broadhead, Naming Jesus, 56; Josef Ernst, Das Evangelium nach Markus (RNT; Regensburg: Pustet, 1981), 170; Moloney, Gospel, 107; Étienne Trocmé, L'évangile selon Saint Marc (CNT 2; Genève: Labor et Fides, 2000), 159.

²⁶ См. Wolfgang Mieder, Proverbs: A Handbook (Westport: Greenwood, 2004), 131–137.

²⁷ Ernst, Evangelium, 170; в этом русле также Trocmé, L'évangile, 159.

²⁸ См. Painter, Gospel, 97; Broadhead, Naming Jesus, 57–59; Joel Marcus, Mark 1–8: A New Translation with Introduction and Commentary (AYB; New Haven: Yale University Press, 2005=1999), 376; Hooker, Commentary, 153.

Эта поговорка ставит вопрос о пророческой идентичности Иисуса в Евангелии от Марка³⁰. Хотя титул «пророк» обозначает Иисуса лишь один раз, причем больше в образном, чем в буквальном смысле, этот единственный раз очень важен. У Марка Иисус сочетает разные черты, которые происходят из разных контекстов и не исключают друг друга, но подвергаются адаптации и переосмыслению. Так, Иисус — и истинный Мессия, истинный Сын Божий³¹, и Сын Человеческий из Дан. 7:13. Почему Он не может быть одновременно и пророком?

Здесь стоит вспомнить вышеупомянутую категорию имплицитных читателей, которые укоренены в ветхозаветной традиции и в ее свете понимают личность и служение пророка³². В пользу исторического правдоподобия такой категории читателей говорит, например, выражение «пророк как один из пророков» (Мк. 6:15), предполагающее знание читателями ветхозаветной пророческой традиции³³.

²⁹ См. Adela Yarbro Collins, *Mark: A Commentary* (Hermeneia; Minneapolis: Augsburg Fortress, 2007), 50. Согласно Ernst Lohmeyer, *Das Evangelium des Markus* (KEK 2; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1957), 111–112, эта логика не принадлежит Иисусу, но представляет собой *Gemeindebildung* (речение общины).

³⁰ См. Camille Focant, *L’Évangile selon Marc* (CBNT 2; Paris: Cerf, 2004), 221.

³¹ Быть может, даже предсуществующий Сын Божий. См. релевантные аргументы в: Simon J. Gathercole, *The Preexistent Son: Recovering the Christologies of Matthew, Mark, and Luke* (Grand Rapids/Cambridge: Eerdmans, 2006), 250–252.

³² Часть имплицитных читателей могла относиться к языческому миру и быть знакомой с греко-римским пророчеством. См. Broadhead, *Naming Jesus*, 42–43. Однако эту категорию имплицитных читателей мы здесь выносим за скобки.

Среди прочего выглядят как пророческие следующие особенности служения Иисуса³⁴.

- Иисус послан Богом (Мк. 9:37).
- Он ходит по Галилее, совершая чудеса и возвещая скорое наступление Царства Божьего (Мк. 1:15), т. е. дня Господня, обещанного пророками³⁵.
- Иисус призывает людей к обновлению духовной жизни, иной логике отношений с Богом и с ближними (Мк. 1:22).
- На горе Ему являются для беседы два величайших ветхозаветных пророка: Моисей и Илия (Мк. 9:4).
- Иисус знает и предсказывает будущее (Мк. 13), возвещает людям весть от Бога (Мк. 1:14–15; 4:11; 8:33)³⁶.
- Он бросает вызов религиозному и политическому иудейскому истеблишменту (Мк. 11:15–12:44), который в итоге сговаривается против Него (Мк. 11:18; 14:1).
- Иисуса пленяют (Мк. 14:46) и приговаривают к смерти (Мк. 14:64; 15:15).

³³ См. Paul Lamarche, *Évangile de Marc: Commentaire* (EBib 33; Paris: Gabalda, 1996), 166; Richard A. Horsley, «A Prophet Like Moses and Elijah: Popular Memory and Cultural Patterns in Mark», in *Performing the Gospel: Orality, Memory, and Mark*, ed. Richard A. Horsley, Jonathan A. Draper, and John Miles Foley (Minneapolis: Fortress, 2006), 166–190. Как уже упоминалось, выявление интенций евангелиста не входит в мои задачи. В данном случае эти интенции загадочны и с трудом поддаются интерпретации: с одной стороны, евангелист вроде бы избегает называть Иисуса пророком; с другой — оставляет дверь открытой для подобного понимания.

³⁴ Подробнее о пророческих чертах служения Иисуса в Мк. см. Collins, *Mark*, 46–52.

³⁵ См. Мк. 1:2–3 и комментарий в: Robert A. Guelich, *Mark 1–8:26* (WBC 34A; Grand Rapids: Zondervan, 2018=1989), 11.

³⁶ См. Marcus, *Mark 1–8*, 376.

По мере того как развивается повествование эти элементы могут быть поняты как сильный намек на то, что Иисус — пророк и несет пророческое служение.

С другой стороны, мы снова и снова видим, что Иисус не просто один из ветхозаветных пророков. И дело не только в титулах. Его чудеса качественно и количественно превосходят чудеса любого из пророков. Иисус прощает грехи как возможно лишь Богу (Мк. 2:5–11). Иоанн Креститель называет Его Сильнейшим: настолько «сильнейшим», что Иоанн даже недостоин развязать ремень Его обуви (Мк. 1:7). В сцене Преображения одежды Иисуса становятся ослепительно белыми, «как на земле белильщик не может выбелить» (Мк. 9:3). Бог называет Его своим возлюбленным Сыном (Мк. 9:7). Его смерть имеет значение для всех людей (Мк. 14:24), и на третий день Он восстает из гроба (Мк. 16:6). Судя по этим и другим подобным элементам, а также вышеупомянутым трем христологическим титулам, Иисус не просто пророк. Такое наименование не способно адекватно описать Его личность и служение. В Нем есть нечто от пророка, но Его титулы, действия и власть намного превосходят те, что были у ветхозаветных пророков (как известно имплицитным читателям).

Имплицитный автор всячески наводит читателя на мысль, что Иисус не принадлежит к череде ветхозаветных пророков³⁷. Но откуда же элемент двусмыслиности? Почему евангелист не закрыл однозначно интерпретацию Иисуса как пророка?

³⁷ См., например, интерпретацию Иисусом своей предстоящей смерти на тайной вечере (Мк. 14:22–24), а также утвердительный ответ на вопрос первосвященника о том, Он ли Мессия и Сын Божий (Мк. 14:62).

IV

Из вышесказанного создается впечатление, что «мессианская тайна» у Марка касается не только мессианства Иисуса, но и вообще Его личности и служения³⁸. В частности, пророческая роль Иисуса освещена довольно туманно и прикровенно. Чтобы понять эти намеки, имплицитным читателям, как и персонажам повествования, не обойтись без знания Ветхого Завета.

В конечном счете вопрос о том, насколько Иисус был пророком, оставлен открытым. Сказано лишь, что Он не есть воскресший Иоанн Креститель (Мк. 8:28) или вернувшийся Илия (Мк. 9:13). Из поговорки в Мк. 6:4 создается впечатление, что имплицитный автор не отрицает наличия у Иисуса пророческой харизмы. Как минимум некоторые имплицитные читатели должны были заключить, что Иисус — не только Христос и Сын Божий, но и пророк. Однако этот титул, как и титулы Христос, Сын Божий и Сын Человеческий, имеет в Евангелии новое звучание.

Открытая возможность понимания Иисуса как пророка в марковском повествовании может использоваться теми имплицитными читателями, которым нелегко увидеть в Иисусе таинственного «Сына Человеческого» или разобраться в неясной семантике титулов «Христос» и «Сын Божий». Если бы автор явно отрицал атрибуцию Иисусу

³⁸ О многогранности мотива мессианской тайны см. исследования в сборнике: Christopher M. Tuckett (ed.), *The Messianic Secret (Issues in Religion and Theology 1)*; Philadelphia: Fortress; London: SPCK, 1983). См. также изложение наиболее важных теорий и их оценку с синхронической точки зрения в: John Granger Cook, *The Structure and Persuasive Power of Mark: A Linguistic Approach* (Atlanta: Scholars Press, 1995), особенно 52–66, 311–329.

пророческого титула и наличие у Него пророческих черт, такие имплицитные читатели не имели бы возможность уверовать в Иисуса.

Напрямую Иисус пророком не назван и пророческие черты Иисуса не акцентированы. Однако поскольку имплицитный автор не отвергает этот подход напрямую и даже как бы его допускает, следует предположить, что некоторые имплицитные читатели должны были считать его допустимой, продуктивной и, возможно, необходимой ступенью в своем пути к пониманию Иисуса, вере в Него и ученичестве у Него.